

ТОТ САМЫЙ ЛЕВ

ДОБИТЬСЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАПОЛУЧИТЬ
МАТЁРОГО ЛЬВА, МОЖЕТ БЫТЬ,
И НЕПРОСТО, НО ЗАТО – ПРАВИЛЬНО

ТЕКСТ И ФОТО – ТИМ ГЕРАЛЬД

Как только мы с профессиональным охотником Стью Тэйлором закончили установку следящей камеры около подвешенной четверти буйвола, которую мы использовали в качестве приманки для льва, подкатил «Лендкрузер» с энергично жестикулирующими обоими нашими следопытами. Когда они отъехали, таща за собой приманку по грунтовой дороге, чтобы проложить пахнущий след, то заметили крупного льва, лежащего всего лишь в трёх сотнях ярдов от нас. Стью велел им уезжать, сказав, что мы сообщим им по радиосвязи, когда нужно будет подобрать нас. Затем он глянул на меня и заметил: «Может оказаться интересным».

Мы укрылись за рощицей невысоких пальм, выставили сошки для стрельбы, подождали, пока не рассеялось облако пыли от удалявшегося «Лендкрузера» со следопытами, и он скрылся из вида. Честно говоря, я не питал особых надежд, поскольку мы не прятались в засидке, но и терять, вообще-то, было нечего. Никогда не знаешь, что может случиться на сафари, и эта охота на льва в угодьях района «Блок Би», входящего в резерват Ньяса в северном Мозамбике, не была исключением.

Через пару минут я услышал шёпот Стью: «Вот он, появился. Приготовься».

Это поразило меня, и ему пришлось повторить это снова, пока я, наконец, не врубился в ситуацию.

Я пристроил винтовку на сошки как раз в тот момент, когда увидел льва, решительно направляющегося к нам на расстоянии около семидесяти пяти ярдов. Мы находились между ним и приманкой, и он не останавливался, пока не оказался всего лишь в сорока шагах от нас.

Я навёл перекрестье прицела ему под нижнюю челюсть и с нетерпением ожидал отмашки Стью на производство выстрела. Эти огромные янтарные глаза, казалось, вонзались мне в самую душу, и я знал – что-то вот-вот произойдёт.

«Можно стрелять? Стрелять-то можно?» – вызвал я. Ответа не было.

Дикий кот с тёмной гривой повернул свою громадную голову направо, потом снова ко мне, а затем отвернулся и рысцой двинулся прочь.

Я был вне себя. Стью, мой друг и профессиональный охотник компании Kambako Safaris, знал, что я хотел взять льва, но растолковал мне – он не был уверен, что возраст льва превышает шесть лет. Он объяснил, что, хотя грива его и была весьма неплоха для условий этого региона, но шрамов на морде льва не было, да и вообще – он просто не выглядел матёрым зверем. Это был не тот лев.

Во всех охотничьих участках – «блоках» резервата Ньясы действует строгое «шестилетнее правило» охоты на львов, и компания Kambako Safaris

Картина «Золото Африки» Тома Мансанареса:
www.tommansanarez.com; 208/709-5827

DM
MANSANAREZ
2001 ©
SAA

относится к нему весьма серьёзно. В резервате действует штраф – уменьшение квоты аутфиттера в пропорции «голову за голову», то есть за каждого отстрелянного льва моложе указанного возраста. А если это будет сочтено уже не случайностью, а принятой практикой, то компания – организатор сафари может и вообще лишиться права охоты на львов. С другой стороны, если аутфиттеры сафари постоянно придерживаются добычи львов-шестилеток и старше, то они могут быть премированы дополнительной квотой, если администрация резервата полагает, что это не окажет негативного влияния на популяцию львов. Компания Kambako Safaris так успешно проводила свои охоты, что они недавно получили ещё одного льва к своей квоте за отбор требуемых правилами львов.

На этом сафари мне не удалось взять льва. Мы со Стью пропустили четырёх различных львов в возрастных пределах от четырёх до шести лет, одним из которых и оказался этот самый, спорного возраста дикий кот с тёмной гривой.

Поверьте, это не просто – вот так взять и отпустить взрослого льва, когда он уже у тебя на мушке. Всё это потраченное время, переезды, финансовые расходы и мечты, которые вы вложили в это сафари, воплощаются в сознании, и наблюдать крупного льва уходящим, когда ты совершенно уверен в том, что можешь добыть его, – это, пожалуй, один

из самых невыносимых отказов от дичи во всём охотничьем мире. Но суть заключается в том, что, при наличии всех тех сил, противостоящих охоте на львов, и неустанно действующих в пользу установления запрета на этот вид охоты, мы, охотники, должны быть самыми яркими сторонниками сохранения львов. Противники охоты воздействуют на эмоции. Ну, а мы должны оперировать фактами.

В Мозамбике у меня состоялись две продолжительные беседы с доктором Колин Бегг, главой проекта «Хищники Ньясы». Она считается одним из ведущих специалистов в мире по африканским львам и живёт на территории резервата вместе со своим мужем Кейтом около девяти месяцев в году.

Доктор Бегг сообщила мне, что до тех пор, пока охотники отбирают львов-одиночек возрастом от шести лет и старше, охота на этих зверей не оказывает негативного влияния на их популяцию. В резервате Ньяса популяция львов оценивается в целых 1200 особей, и, по её словам, охотники берут ежегодно всего лишь по 6–8 экземпляров. А это меньше одного процента численности популяции, и все добытые львы не являются вожаками прайдов или производителями.

С другой стороны, доктор Бегг рассказала мне, что в результате своих исследований они с Кейтом выяснили, что около 28% львов в резервате

попадают в капканы браконьеров. Это относится как к тем львам, что обитают в охотничьих угодьях, так и к тем, что водятся в районах фотоохоты, и это доказывает, сколь важна борьба с браконьерством. Компании наподобие Kambako Safaris всячески поддерживают усилия в борьбе с браконьерством, и это важнейшая черта управления резерватом.

В современной Африке, если лев не представляет экономической ценности, то он и не будет там существовать. Вот такой вот нехитрый постулат. Местные жители и львы враждовали веками, и, если аборигены не получают ощутимой выгоды от их существования, то они будут делать всё возможное, чтобы отравить, заманить в капкан и убить львов всеми доступными для них средствами. Поколениями львы нападали на людей и домашний скот; в одном только резервате Ньяса за прошедшие восемь лет было зафиксировано одиннадцать львиных атак на людей.

Если мы ожидаем от местных жителей, что они воздержатся от ведения войны с самой крупной дикой кошкой Африки, то за это надо платить. Компании – организаторы сафари продают в год несколько охот на львов и получают от этого высокий доход. И если они будут направлять эти средства в местные общины, прямо говоря аборигенам, что вот эта школа, которую они строят, или эта водонесная скважина, которую они бурят, финансируется за счёт средств, полученных от охоты (на львов), тогда местные жители воочию увидят выгоды от обитания львов в их краях.

Главное условие здесь в том, чтобы операторы сафари и их клиенты устанавливали бы отношения с местными сообществами жителей и были бы способны непосредственно показать им, какие выгоды они получают от средств, поступающих

Определение возраста львов

«Оперативная команда сохранения львов» (The Lion Conservation Task Force, Inc. (LCTF)) – это некоммерческая организация с центром в Техасе, поставившая себе задачу сохранения диких львов Африки и мест их обитания.

Охотничьи и научные сообщества согласны в том, что охота на львов должна быть оправдана биологически, когда изъятие зверей не наносит долгосрочного урона популяциям этих диких кошачьих. Существенным шагом в деле устойчивого их развития является принятие стандартов того, какого взрослого льва можно считать подходящим для охоты.

Организация LCTF определяет льва, подходящего в качестве дичи, как, по меньшей мере, шестилетку, о котором известно, что он не является главой прайда или одним из группы вожаков прайда с зависимыми от взрослых львов детёнышами. Идеально подходящий для охоты лев – это экземпляр продвинутого возраста, о котором известно, что он уже приближается к концу своего жизненного цикла, то есть не имеет репродуктивных отношений с каким-либо прайдом.

Организация LCTF работает над тем, чтобы это определение было бы принято повсеместно, и Далласский Сафари Клуб одобрил и поддержал это предложение.

Доктор Колин Бэгг разъяснила кое-какие полевые признаки, по которым можно определить, что лев уже старше шести лет. Прежде всего, говорит она, из шестидесяти львов, взятых охотникам и в резервате Ньяса, и, соответственно, зарегистрированных, каждый лев шести лет от роду и старше имел почерневший более чем наполовину нос без всяких исключений. Жёлтые, стёртые зубы (если их можно разглядеть), грива (особенно густая вокруг ушей), шрамы на морде и выступающие спинные позвонки – всё это свидетельствует о почтенном возрасте льва. Наконец, она подвела черту: «Матёрые львы просто выглядят старыми. Если вы действительно задаёте себе вопрос, достаточно ли он стар, то, возможно, что ответ будет отрицательным, и уж точно, что рисковать не стоит». – Т.Г.

Тим Геральд со своим величественным львом, взятым винтовкой модели Thompson/Center Icon калибра .416 Remington.

от охотников. Кстати, это касается и всей африканской дичи, а не только львов.

Когда мы обсуждали всё это с доктором Бегг, она высказала мне, что чем короче путь денег от охотников до появления выгода для местных жителей, то тем и лучше. И здесь есть немало того, над чем можно было бы поработать, устанавливая прочные взаимоотношения между сафари-компаниями и местными общинами.

Хотя мы со Стью и не взяли льва на этом сафари, но кое-какой опыт, полученный нами в ходе его, оказался самым потрясающим в моей жизни. Каждый раз, видя льва проездом

на природе, испытываешь особые чувства, а уж когда такая встреча происходит на земле, на территории его обитания, то ваши чувства обостряются до предела. Это захватило меня, и я знал, что хочу попытаться удачи снова.

Через год я вернулся в резерват Ньяса в сопровождении компании Kambako Safaris, и на этот раз моим профессиональным охотником был Пол Уэллок. Я знал Пола вот уже несколько лет; это способный и опытный профессионал, который, как известно, был не новичок в поле.

В первый день сафари я добыл зебру, и мы немедленно подвесили две её половины в качестве приманки. Одну из них мы

определили на большое колбасное дерево (кигелию) на берегу почти пересохшей реки, от которой всё же оставалась пара луж воды. Дерево это располагалось всего лишь приблизительно в 250 ярдах от того места, где мы со Стью в прошлом году наткнулись на дикого кота с тёмной гривой. Мы планировали на первые несколько дней охоты настрелять дичи на приманки, развесить их и проверять, пока у нас не будет 8–10 таких позиций в различных местах.

На второй день Пол решил проверить побыстрому нашу приманку с зеброй, а затем попытаться отыскать буйвола, что даст нам возможность устроить, по меньшей мере, ещё четыре новых позиции.

Не доезжая около километра от приманки на колбасном дереве, мы заметили следы льва в красноватой пыли дороги и вышли посмотреть их поближе. Это были следы двух львов, но Пол сказал, что один из них был средних размеров, а другой – и того меньше. Так что я не слишком-то и возбудился, но надеялся, что нам удастся увидеть эту парочку, хотя они и не годились для охоты.

Мы остановили «Крузер» приблизительно в трёхстах ярдах от приманки и тихо двинулись поглядеть, не лежат ли где-нибудь там, в тени,

Оружие на Большого Кота

Для этой охоты я выбрал свою винтовку .416 Remington Thompson/Center Icon с патронами Winchester Safari, оснащёнными пулями Nosler Partition весом в 400 гран. Как пули Nosler Partition, так и пули Nosler Solid развивают скорость в 2450 фут/с (747 м/с) и попадают в одну и ту же точку прицеливания. Говоря об охоте на кошачьих, я предпочитаю скорость и гидростатический удар, и эта пуля обеспечивает удар достаточной силы, а также и отверстие немалого размера в том предмете, куда она попадает и где раскрывается. Поэтому они стали моими патронами «общего назначения» для Африки, и во время последнего сезона сафари я смог чисто взять льва, африканского буйвола, слона, крокодила и бесчисленную равнинную дичь, вплоть до буйбока, за счёт применения пуль этих двух видов.

Винтовка .416 Ремингтон – мощное оружие, и отлично показывает себя на дистанциях до 250 ярдов. Я установил на эту винтовку оптический прицел Nikon Monarch кратностью 2.5–10X, чтобы обеспечить возможность стрельбы и на более дальние дистанции, и я очень рад, что это сделал, поскольку для того чтобы выбрать подходящую прогалину для прямого выстрела по моему льву, было совершенно необходимо иметь достаточное увеличение прицела. – Т.Г.

львы. Когда мы поднялись на возвышенность, крупный, тёмного окраса, черногривый лев встал и побрёл к пересохшему руслу реки. Он остановился на противоположном берегу, обернувшись, с неудовольствием поглядел на нас и бесшумно исчез в густом прибрежном буйе.

И тут же я вообразил себе, что это мог быть тот самый, прошлогодний дикий кот. А поскольку тогда он был пограничного возраста, то, скорее всего, сейчас он уже годится для трофея. Пол немедленно начал прикидывать, где бы тут смастерить засидку, как мы к ней должны будем подходить, и все прочие детали, по поводу которых профессиональному охотнику надо принять решение при охоте на льва.

Пока мы обсуждали директрисы стрельбы и дистанции для возможного размещения засидки, сзади нас и чуть слева послышался львиный рык. Лев, которого мы прежде видели, был за рекой прямо перед нами, и мы прикинули, что этот, другой, – он из той пары, следы которой мы видели на дороге. Он взревел ещё дважды, а затем зверь, бывший перед нами, испустил такой рык, что у меня волосы на шее, спине и руках встали дыбом.

Оба кота прибавили громкость до упора, и каждый из них немедленно отвечал друг другу рыком на рык. Через две-три минуты стало ясно, что черногривый лев возвращается в нашем направлении, хотя он был теперь слева у реки.

Снова рычание, и мы увидели, что он переходит реку, возвращаясь на нашу сторону. Когда он вышел к нам на берег, то зарычал так оглушительно, что у меня завибрировало где-то глубоко внутри. Он двигался влево, по направлению к другому голосистому коту, и, хотя он и знал, что мы находимся здесь, но перемещался параллельно по отношению к нам на расстоянии около девяноста ярдов.

Пол шепнул: «Стреляй по готовности. Он в возрасте».

Слова эти прозвучали музыкой для моих ушей, но матёрый лев пробирался по гари, где торчало немало прутьев от кустарников, блокирующих любую возможность прямого выстрела. Я взглянул на местность перед ним и заметил, что вскоре он пересечёт проплешину, так что я выставил кратность 10X на своём прицеле. Это был выстрел на более длинную дистанцию, чем я рассчитывал для охоты на льва, поэтому мне нужно было дополнительное увеличение.

Когда лев появился в моей прогалине, он был расположен немного в четверть и в угон. В прицел он казался мне громадным, с такой же шкурой голубовато-стального окраса, который приобретает матёрый самец канны, войдя в зрелый возраст. И, когда его грудная клетка и моя прицельная марка совместились, я прикоснулся к спуску моей винтовки.416 Remington и послал пулю Winchester Partition

весом в 400 гран в точку прицеливания.

Дикий кот взвился на задние лапы, рыча, визжа и фыркая, пытаясь отбиться от того, что уязвило его. Пока он сражался со своим незримым врагом, я выстрелил ещё дважды, и тогда он прыгнул вправо и исчез из вида. Эхом пронеслась оттуда ещё пара взрываний, а затем всё стихло.

Я посмотрел на Пола, и он заверил меня, что, по его мнению, первый выстрел был удачен, но, может быть, пуля угодила льву чуть дальше по корпусу. Сцены преследования раненого льва пронесли у меня в голове, и я мгновенно взмок от пота, как только адреналин отхлынул у меня из крови.

Мы подождали ещё с десятков минут, а затем осторожно двинулись к тому месту, где мы напоследок видели льва. К моему облегчению, великолепный старый воин лежал, вытянувшись, всего лишь в десяти ярдах от того места, где я поразил его.

Пока я подходил ко льву своей мечты, меня так захлестнули эмоции, как никогда ещё не бывало со мной во время охоты. Он был крупнее, чем я даже мог надеяться, с чёрной гривой, с мордой, исполосованной шрамами, массивным чёрным носом, со стёртыми и сломанными зубами. Но самое чудесное было то, что он предоставил мне возможность невероятно потрясающей охоты. Он был моим великолепным львом, и значительно старше, чем тот, что мы видели в прошлом году.

Несколькими днями позже доктор Бэгг прибыла в базовый лагерь Камбако и официально оформила документы на моего льва, определив также его возраст. Он разбит по возрастным категориям, поскольку, по сообщению доктора Бэгг, нет возможности с точностью до года определить возраст вольного дикого кота. Мой попал в категорию от семи до девяти лет, а все

Доктор Колин Бэгг определила возраст добытого Геральдом льва в пределах от семи до девяти лет

Стёртые и сломанные зубы льва свидетельствуют о почтенном возрасте зверя.

профессиональные охотники в лагере предполагали, что ему от восьми до девяти лет. Но какого бы возраста он ни был, не только фантастическим трофеем, но также и вполне соответствующим с природоохранной точки зрения. Возможно, я больше никогда не буду охотиться на льва, но мой опыт охоты на львов в Ньясе останется для меня одним из самых лучших воспоминаний за всю мою жизнь. И я убеждён, что мы с Полем добыли того самого льва.

И я убеждён, что мы с Полем добыли того самого льва.